

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г20

Оформление серии *А. Дурасова*

Гармаш-Роффе, Татьяна Владимировна.
Г20 Мертвые воды Московского моря : [роман] /
Татьяна Гармаш-Роффе. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2018. — 320 с. — (Московский детектив).
ISBN 978-5-04-093275-7

Афанасий Карачаев найден мертвым в своей кварти-
ре. Официальное заключение о смерти указывает на сер-
дечную недостаточность, но Ляля, любившая Карачаева,
этому заключению не верит. Она обращается к частному
детективу Алексею Кисанову, который берется за дело.
Очень скоро становится ясно, что Карачаеву помогли
отправиться на тот свет. Но это был первый и последний
ясный пункт в этом деле: дальше — сплошные загадки.
Самым таинственным образом исчезает дочь Афанасия
Карачаева, и детектив ищет ее следы в темных водах
Московского моря. Версии множатся, как молекулы в
органической химии. Наследство? Бизнес-интересы?
Мсть брошенной любовницы? Никогда еще у Алексея
Кисанова не было такого мутного дела! Разгадка блеснет
только в самом конце...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093275-7

© Гармаш-Роффе Т.В., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Автор выражает огромную признательность за консультации участникам форумов на сайте больных диабетом <http://www.dialand.ru/> и на сайте судебно-медицинских экспертов <http://www.sudmed.ru>

Глава 1

— ...Умер дорогой мне человек... — Сидящая напротив женщина посмотрела Алексею в глаза и повторила с нажимом: — Очень дорогой. И я хочу узнать, почему!

Она позвонила час назад. Солнце беспардонно лезло в комнату сквозь плотные занавески, и стыдило, и к совести нещадно зывало, грубо намекая, что рабочий день уже давно начался. Начался-то он начался, кто же спорит, на часах одиннадцать, — но сегодня у обоих в кои веки выдался день спокойный и неспешный, и они все еще нежились в постели, то ласкаясь, то снова засыпая...

Приподнявшись на локте, он ухватил трубку. Александра, полупроснувшись, обвила его рукой. Ужасно не хотелось, чтобы это утро кончалось...

— Новая клиентка, — проговорил он с сожалением, положив трубку на место. — Будет здесь через час.

— В таком случае у тебя есть еще полчаса для меня, — плотоядно облизнулась Александра, не размыкая век.

— Неужто тебе получаса хватит?

— Размечтался! Недостачу я вечером взыщу, — засмеялась она, притягивая его к себе.

В душ Алексей помчался только пятнадцать минут назад, заглотнул на ходу чашку кофе с первым подвернувшимся печеньем; с разбегу вскочил в костюм и теперь восседал на рабочем месте, строгий и подтянутый. Благо бежать было недалеко: из спальни своей большой старой квартиры на Смоленке он просто переместился в соседствовавший с ней кабинет. Ласки Александры все еще отзывались в его теле блаженной ленью, и Алексей надеялся, что его строго подтянутый вид не слишком фальшив, а щеки не излишне румяны.

— Надо понимать, что официальный диагноз вас не удовлетворяет? — обратился он к клиентке.

— Именно.

Она умолкла — видимо, решила предоставить детективу право задавать вопросы. Алексей тоже помариновал паузу: он предпочитал, чтобы клиент выдавал ему поток сознания, не направленный его руководящей рукой. Пока что он, отгоняя от себя сладостную лень, разглядывал женщину. Высокая брюнетка, смуглая, худая, с широкой костью, — про таких иногда говорят: «лошадь». Выглядит лет на сорок, ухожена; одета в бирюзовый брючный костюм, дополненный шейным платком, заколотым сбоку брошью из бирюзы, и крупными серьгами из того же камня.

За годы практики Алексей научился обращать внимание на одежду: она говорила о характере, а характер — о складе ума. Непомерное желание нравиться, заметное в одежде, рассказывало о болезненном тщеславии, — и тогда детектив готовился услышать немало лжи: подобные люди будут подавать события исключительно в свете, выгодном для них, нимало не заботясь о том, как все происходило на самом деле.

Полное пренебрежение к одежде почти всегда было свидетельством асоциальности, трудного и негибкого характера, который непременно сказывается на мышлении человека, приводя к неповоротливости ума.

Что же до вкуса (который Алексей ощущал как некую гармонию в сочетании вещей), то люди, им не обладающие, обычно плохо сопоставляли различные факты и не «секли» нюансы...

Этой клиентке детектив проставил плюсы во всех графах, кроме одной: ей почему-то решительно не шел бирюзовый цвет. Детектив не знал, в чем тут фокус, но этот цвет был отдельно от нее, вот и все.

Дама не представилась, но и Алексей не торопился: ее имя значило куда меньше, чем дело, с которым она к нему пришла. И именно о нем он хотел услышать. Однако клиентка по-прежнему молчала, и Алексею пришлось взять инициативу на себя.

— О каком человеке идет речь? Кто вы ему? И как он умер?

— Этот человек всегда занимал крупные по-

сты. Он был хорошо известен в определенных сферах, хотя публично его имя упоминалось редко... Я назову вам его фамилию только в том случае, если вы возьметесь за дело.

Редко или нередко, но некрологи в газетах недавно были, и Кисанов немедленно догадался, о ком идет речь. Однако смущать посетительницу не стал.

— Я ему была... Как сказать... В русском языке нет достойного слова, чтобы обозначить такого рода отношения... Я была ему женой, но отношения мы не регистрировали.

Алексей понимающе кивнул. У него у самого была похожая ситуация: любимая женщина, с которой они не оформляли брак по тысяче мелких причин — ни одной веской среди них не имелось. Поначалу он запинался, когда представлял Александру знакомым. «Гражданская жена» пахло протоколом, «подружка» — инфантилизмом, «сожительница» — пошлостью, а «любовница»...

Одна его давняя клиентка, психолог, как-то сказала: «Не надо стесняться этого слова, оно хорошее. «Любовница» происходит от слова «любовь», а «жена» — так, всего лишь от старинного обозначения женщины, не более...» Однако совершать переворот в русском языке (или менталитете?) Алексей не рискнул и называл Александру просто «любимой женщиной», что наиболее точно соответствовало ее статусу в его жизни.

— ...Мы разошлись больше трех лет назад. Но

он остался для меня дорогим человеком, даже если наши отношения прекратились. Теперь о том, как он умер: это никому не известно. Он должен был уехать в отпуск, и никто его не искал. Спустя неделю его племянник пришел проведать квартиру, а нашел почти разложившийся труп.

Она говорила лаконично, сдержанно, последовательно. Наверняка развитый интеллект: цепко держит мысль, не отвлекается. Скорей всего, научный работник, защитила диссертацию, пишет статьи...

— Заключение о причинах смерти есть?

— Разумеется. Ишемическая болезнь сердца.

— И оно вас не устраивает.

— Нет. Это достаточно стандартный вывод в тех случаях, когда судебный эксперт не может установить причину смерти. А учитывая состояние трупа, он не мог ее установить. Но я сама медик. И я знала этого человека. У него было здоровое сердце. Он занимался в спортзале, очень следил за собой.

— Но вы расстались три года назад...

— Иногда созванивались, реже встречались. Меня интересовало его здоровье. Кроме того, вы можете легко получить подтверждение у его лечащего врача.

— Значит, вы как медик полагаете, что...

— Именно. Сердце тут ни при чем.

— Он жил один?

— С дочерью... Но она в этот момент находи-

лась в отпуске. Впрочем, она и сейчас там находится. С ней не сумели связаться, и похороны прошли без нее.

— У вас плохие отношения с его дочерью? — предположил Алексей, уловив особую сухость тона в последней фразе.

— У меня с ней *никаких* отношений. Мы расстались вскоре после того, как она переехала жить к отцу.

За ее словами чувствовалась целая история и даже, возможно, целая драма. Но любопытствовать было преждевременно. Пока что детектива интересовали самые первые и основные факты.

— Следы взлома квартиры имелись?

— Нет, насколько мне известно. Учтите, что я все знаю только со слов его племянника.

— Учту. А следы борьбы в квартире?

— Тоже нет.

— Следы насилия на теле?

— Очень сложно сказать, учитывая состояние трупа. Если и были, то исчезли. Аутопсия проводилась стандартно, а в милиции палец о палец не ударили для осмотра места происшествия. Все ограничилось приходом участкового и отправкой тела в морг. Если бы экспертиза показала, что это убийство, то следствие бы начали, конечно. Но экспертиза не показала. А милицию это очень устроило, как я понимаю.

Надо признать, что понимала она верно. Алексей Кисанов сам много лет проработал на Петровке, да и теперь связь с коллегами не потерял.

Потому и хорошо представлял, что убийство крупной шишки чревато для милиции постоянным намыливанием шеи со стороны начальства и неприятным зудом в другом месте, через которое обычно влезает журналисты. Куда радостнее списать смерть на естественные причины...

— В квартире ничего не пропало?

— По словам племянника, нет.

— Вам известно, в каком положении он нашел тело?

— Как если бы человек упал, не дойдя до кровати.

— И вы при всем при этом подозреваете убийство? — спросил он женщину в бирюзовом костюме, которая до сих пор ему не представилась.

— Он был болен диабетом. Вам известно, что это такое?

— В самых общих чертах. Уколы с инсулином.

— Смотря какой диабет. Уколы обязательно делаются при диабете первого типа. Он возникает у людей достаточно рано, иногда в детстве, и чаще всего объясняется генетической предрасположенностью. Диабетом второго типа заболевают обычно после сорока. При нем больные могут лечиться таблетками, хотя со временем тоже переходят на уколы. Но у него был диабет первого типа. То есть он должен был постоянно делать уколы с инсулином. Думаю, что подробней вам не надо.

— Пока нет, — согласился детектив.

Женщина одобрительно кивнула, и Алексей Кисанов подумал, что она наверняка преподает: так кивают студентам на экзамене, пока они не несут чушь.

— Я подозреваю диабетическую кому.

Алексей посмотрел на нее повнимательнее. Черты ее лица вполне приятны, но выражение сухой строгости делает его неженственным. Оно напоминало запертую на замок дверь, открывавшуюся трудно, редко и со скрипом.

— Я не медик, — напомнил он. — Вам придется мне объяснить.

— В двух словах. У больного диабетом очень строгая зависимость от приема пищи и уколов с инсулином. Все должно быть точно дозировано и принято четко по расписанию. Если нарушить этот порядок, то может случиться гипергликемия или гипогликемия. То есть избыток глюкозы в крови или ее недостаток.

— Это смертельно?

— Нет, если сразу принять меры. И все диабетики прекрасно знают, что делать в таких случаях. Кроме того, они имеют при себе глюкометры, которые...

— Как вы сказали? *Глюко-метры?*

— Именно, — она поджала губы. — Это не для того, чтобы измерять «глюки». Это для измерения глюкозы.

— Извините.

— ...которые показывают точный уровень сахара в крови. Сахар — это и есть глюкоза.

Детектив кивнул: мол, я в курсе, еще в школе проходил... Но почувствовал раздражение от ее менторского тона.

— Вы преподаете? — спросил он.

— Да. Я профессор, доктор медицинских наук. Это имеет отношение к делу?

— Имеет. Мне не нравится ваш тон. Я не студент.

Она удивленно уставилась на него. И вдруг улыбнулась.

— Вы правы. Я знаю за собой этот недостаток...

Атмосфера словно разрядилась с ее улыбкой. Детектив и посетительница обменялись потеплевшими взглядами.

— Вы остановились на глюкометрах...

— Они значения не имеют. Важно другое: диабетик не только сам прекрасно распознает неполадки в организме, но и может их с точностью диагностировать при помощи глюкометра и разных других тестов. После чего он принимает срочные меры. Либо выпьет сладкий сок, либо добавит порцию инсулина.

— Сладкий — чтобы повысить сахар, а инсулин — чтобы понизить?

— Верно. Вы способный студент, — улыбнулась она.

«Странно, — озадачился детектив, — когда она улыбается, ей начинает идти бирюзовый цвет!»

— Как вас зовут?

— Ляля. Елена то есть.

Имени Ляля бирюзовый цвет шел еще больше. Но детектив фамильярничать не стал и выбрал строгое Елена.

— Иными словами, Елена, вы подозреваете, что кто-то мог помешать ему принять необходимые меры, отчего и случилась кома? Из которой человек уже не вышел?

— Именно.

— В таком случае мне понадобится осмотреть квартиру погибшего. Причем в вашем обществе — без медика я могу упустить важные детали. У вас есть ключи?

— Если бы они у меня были, я бы уже давно сама все исследовала.

Алексей усмехнулся: выходит, Ляля его нанимала на добычу ключей?!

— Там укрепленная дверь?

— Да, и с сейфовыми замками — изготовлена по индивидуальному заказу.

Значит, отмычки, о которых первым делом подумал детектив, отпадают. Стало быть, придется добывать настоящие ключи. Они имеются у племянника — коль скоро именно он явился в квартиру и обнаружил тело. И еще у дочери покойного — коль скоро она жила в той же квартире. Но ее нет в городе.

— А племянник?

— У него ключи есть. Проблема, однако, в том, что я уже давно *никто* его дяде и не могу вот так явиться и попросить ключи... У меня нет ни-

какого предлога. А объяснять ему мои истинные намерения я не собираюсь.

— Вы полагаете, что он мог бы...

— Не могу этого исключить. Он неплохой мальчик — но в жизни очень много «неплохих мальчиков», способных на подлости...

В глазах ее зажегся недобрый огонек. М-да, немало досталось, должно быть, этой бирюзовой лошади с нежным именем Ляля за ее жизнь...

Алексей помолчал, раздумывая. Ляля ждала, не проявляя никакого беспокойства. Все-таки приятно иметь дело с умным человеком: он понимает, что, кроме разговорной деятельности, существует еще и мыслительная.

Плод своих размышлений он выдал минуты через три.

— Вы сможете явиться к племяннику вместе со мной и представить меня как своего друга?

— Зачем это? — с подозрением спросила Ляля.

— Вы звоните племяннику... Как его имя, кстати?

— Иннокентий. Кеша.

— Вот, Кеше. И говорите, что нашли у себя ключи от квартиры покойного и хотите ему вернуть. У вас дома наверняка завалялись какие-нибудь старые ключи, вот и подберите связочку. Желательно похожую на искомую.

— Это не так просто. Пара ключей очень хитрые.

— Вы имеете право забыть за три года, как они